

Стилистические преобразования в лексике

Стилистические преобразования в лексике последних лет в большей своей части обязаны **причинам внешнего, социального порядка**. К ним можно отнести:

- изменение состава носителей литературного языка,
- эмоциональную напряженность в жизни общества,
- резкое изменение общественных оценок жизненных явлений, событий, психологических и социальных установок и др.

Стилистические процессы в целом характеризуются двумя направлениями:

- 1) стилистической нейтрализацией и
- 2) стилистическим перераспределением.

I. Процесс **нейтрализации** касается как слов с

- a) завышенной стилистической окраской, так и
- b) слов *стилистически сниженных*.

И тому и другому способствует явная демократизация литературного языка, установление и формирование в нем более либеральных норм.

Запретительные меры при употреблении разностилевой лексики начинают пробуксовывать и не давать практических результатов. В итоге состав нейтральной лексики значительно пополнился большим количеством сугубо книжных слов, часто узкоспециальных и в еще большей степени слов сниженного характера, не только бывших разговорных и просторечных, но и жаргонных, утративших узкую социальную сферу применения.

А. Книжные слова *предпосылки, вкупе* (вместе), *доколе* (до каких пор), *воздать* (в. по заслугам – оказать награду или наказание), *всуе* (зря, напрасно), *тем паче, узреть, стезя* (путь, дорога), *баталия, уготовить, избежать, радеть, ратовать, воочию* (своими глазами; наглядно), *нежели, прах, останки* и др. благодаря активизации экспрессивности в языке ослабляют свою книжную окраску и, будучи помещенными в нейтральные или даже сниженные контексты, становятся привычными, нейтральными. Нейтрализуются, т.е. лишаются стилистической окраски книжности, многие широко распространенные термины, утратившие связь с конкретными отраслями знания.

Слова *перспектива, принцип, проблема, престиж, тенденция* в словаре Д.Н. Ушакова снабжались пометой «книжн.», которую они утратили в современном языке, поскольку стали употребляться свободно и широко в разных контекстах, вплоть до бытового. Утратили особую книжность и слова *импонировать, импровизировать, ординарный, инертный* и др.

Бывшая книжная лексика все чаще употребляется по отношению к бытовым явлениям или официально-государственным: *блюсти интересы государства, трудовая лепта* (т.е. скромный вклад);

в бытовых контекстах встречаются слова *свершения, деяние, чаяния, поприще, достояние* (например, *пойти по пути сокрытия и замазывания недостатков*). Еще недавно такая лексика воспринималась как устаревшая.

Обращение к старым книжным словам, их нейтрализация за счет нейтрального или просторечного контекста часто приводит к забвению смысла и грамматических связей этих слов в новом окружении, например, глаголы *ратовать* (за кого – выступать в защиту) и *радеть* (о чем – заботиться) настолько забылись, что в печати часто путают их управление: *Радетели за правовое государство* (Лит. газета, 1993, 13 янв.) (*радеть* кому-чему и о чем; *ратовать* за кого-что). В статье А. Вертинской (Сов. культура, 1989, 12 дек.) эти глаголы употребляются неверно: «*Благотворительный актерский фонд, об учреждении которого я больше года ратую...*». Далее актриса вспоминает «*людей, радеющих за свою профессию*».

В современной публицистике часто употребляются ранее табуированные лексемы, прежде ограниченные тематической сферой религии: *догма, реликвия, исповедь, храм, евангелие, апостолы* и др. (*иконостас орденов, политическое евангелие, храм науки, коммунистические пастыри, духовный отец перестройки, молиться рынку*).

На сниженном стилистическом фоне часто используется и высокое книжное слово «*держава*»: *талонная держава, державка, слаборазвитая сверхдержава, хилая держава*.

Б. Параллельно с процессом нейтрализации высоких книжных слов идет **процесс вхождения в нейтральный, общеупотребительный словарь элементов просторечия, жаргонов, узкопрофессиональных слов.**

И если просторечные слова теряют свою сниженную окраску, т.е. стилистически выравниваются в нейтральном контексте, то жаргонные и профессиональные слова не только преобразуются стилистически, но при этом меняются и семантически, расширяя свою семантику за счет вхождения в новые контексты.

Такие **просторечные** слова, как *ребята, парень, учеба, лодырничать* (т.е. *бездельничать*), *нехватка, разбазаривать* (plýtvat, mrhat) нейтрализовались еще в начале века. Конец века характеризуется активизацией процесса перехода слов из ограниченной сферы употребления в область общелитературную.

Язык газет пестрит словами типа *лагерник, отказник, летучка, невозвращенец* (emigrant), *тусовка, перекур, беспредел, хрущоба, разборка, халява* (о чем-н. даровом, бесплатном, доставаемом без труда – на халяву – даром, бесплатно), *перетасовка* (т.е. размещение иначе), *растащивка, кайф*.

Одни названия денег, жаргонные и просторечные, свидетельствуют о растущей разговорности в рамках литературного языка: *бабки*, *штука* (тысяча), *кусок*, *лимон*, *стольник* (100), *чирик* (10), *пятихатка*, *зеленые*, *баксы*.

Внелитературная лексика привлекает к себе ощущением простоты, живости, некоторой вольности и раскованности речи. Попадая на страницы печати, она вносит разнообразные оттенки экспрессии. Именно поэтому современные журналисты, пренебрегая правилами стилистики, включают подобную лексику в свои тексты. При постоянном и длительном использовании она укрепляется в печати, расширяет свои контексты и в конце концов пополняет литературный язык. Такова общая перспектива, однако это не значит, что все подобные слова обязательно попадут в литературный язык; время отсеет все сиюминутное, наносное, злободневное, устойчивыми окажутся лишь лексемы, актуальные для следующих периодов в жизни общества.

Наряду с разговорной, просторечной и жаргонной лексикой, литературный язык принимает в свой состав **профессионализмы**: *накладка*, *спайка*, *смычка* (соединение), *прослойка* и др. В данной группе слов стилистическая нейтрализация сопровождается расширением значения, утратой значения специального.

II. Параллельно стилистической нейтрализации идет процесс **стилистического перераспределения** - перемещения слов из одной стилистической группы в другую.

Например, некоторые слова из группы нейтральной лексики перемещаются в лексику разговорную (*давеча*, *повертывать* (*п. разговор в другую сторону*)), в просторечную (*взаправду* (т.е. вправду – *взаправду не шучу*), *загодя* (заранее), *кабы*, *по крайности*), в книжную (*огласить*, *овеять* (*имя героя овеяно легендой*), *меж*), последние становятся устаревшими.

Бывшие нейтральные слова *сговор* (соглашение в результате переговоров), *писание*, *сборище* (скопление людей) перешли в разговорные с негативным оценочным значением.

Слово *сборище* в Словаре [С.И. Ожегова](#), [Н.Ю. Шведовой](#) (1998) снабжается пометой «разг. неодобр.»; слово *писание* в значении «письмо, сочинение» - «иронич.»; слово *сговор* - «обычно неодобр.».

Для современного русского языка характерна не только стилистическая нейтрализация, но и нейтрализация смысла путем эвфемизации, замены одних слов другими, чтобы закамуфлировать существо дела.

Происходит затемнение нежелательного смысла слов. За нейтральным словом, словосочетанием скрывается прямое значение слов, часто нежелательное по политическим или морально-нравственным, этическим соображениям.

Например: *компетентные органы* (ЧК, ОГПУ, НКВД, МГБ, КГБ, ФСК); *учреждение* (лагерь, тюрьма); *непопулярные меры, физическое устранение* (убийство);

ограниченный контингент войск (на территории Афганистана); *пойти на крайние меры* (ввести войска); *бесперспективная квартира* (с престарелым хозяином); *бесперспективная семья* (семья без надежды заиметь детей); *воины-интернационалисты*; *интимные услуги*; *лица с вредными привычками*; *нетрадиционные формы ведения войны* (полное уничтожение); *лица без определенного места жительства* (бродяги); *этническая чистка* (уничтожение лиц, не принадлежащих к преобладающей в районе национальности); *зачистка населенного пункта*; *высшая мера наказания*; *группы повышенного риска* и др.

Подобные эвфемизмы нейтрализуют истинный смысл прямых наименований, смягчают его, облекая в обтекаемые словесные формы. Такой камуфляж не скрывает смысла, новые наименования воспринимаются однозначно, однако форма облачения смысла становится корректной и психологически более приемлемой. Эвфемистические речевые формулы обычны для текстов официально-дипломатических, юридических, военных. В СМИ они могут получить иронический оттенок звучания.

Одной из особенностей современного функционирования лексики в языке массовой печати является повышенная метафоричность. В данном случае речь не идет о художественной метафоре, которая сугубо индивидуальна и обладает смысловой двуплановостью. Двуплановость содержания образной метафоры обеспечивается взаимодействием, «игрой» основного и ассоциативного значения. Метафора здесь выступает как литературный прием изображения.

Метафора языка современной массовой печати социальна, это скорее способ мышления, способ восприятия мира, а не только прием изображения. Такая метафора способна вскрыть общественно-политические и идеологические изменения в обществе и одновременно обнаружить их влияние на семантические процессы в лексике.

Исследователи метафоры и метафоричности языка применительно к определенному периоду жизни общества неоднократно отмечали, что по характеру метафоры, ее смысловой и социальной направленности можно понять менталитет самого общества.

Особым был набор метафор в публицистике советского периода (*фронт коммунистической культуры, рубежи пятилетки, битва за урожай, идеологические диверсии* и др.). Богатый материал на эту тему содержится в книге «Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка» (под ред. М.В. Панова. М., 1968).

Язык СМИ конца XX столетия, использовав богатые традиции прошлого, еще в большей степени расширил метафорические контексты с политическим и социальным содержанием: *кабинеты власти, коридоры власти, национальные квартиры, корабль реформ, аграрный паровоз, окопы партократии, острова тоталитаризма, бастионы коммунизма, здание устаревшей политики* и мн. др.

Слова и словосочетания, использующиеся в первоначальном значении в понятийных полях а) уголовный мир, б) больной организм, в) милитаризованное общество – в разных контекстах метафорически обозначают социальную действительность современной России:

а) Россия как уголовное общество: *киллеры* (политические) – (političtí) nájemní vrazi, *изнасиловать* – znásilnit, *убить* – zabít, *огрابتь* – oloupit, *яд* (пропаганды) – jed

(пропаганды), *беспредел* (politický) – *zvučle* (politická), *разборка* (mezi partijami) – *vyřizování účtů* (mezi politickými stranami), *надсмотрщики* – *dozorci*, *охранники* – *ochranka*;

- b) Россия как больной организм: *чума* – *mor*, *лихорадка* – *horečka*, *шизофрения* – *schizofrenie*, *паранойя* – *paranoia*, *слабоумие* – *slabomyslnost*, *нарушение кровообращения* (финансового) – *porucha krvního oběhu* (financi), *наркотическая зависимость* (от долларовых инъекций) – *drogová závislost* (na dolarových injekcích), *метастазы* – *metastázy*, *атрофия* (власти) – *atrofie* (moci), *язва* – *vřed*, *паралич* – *paralýza*, *шоковая терапия* – *šoková terapie*, *хирургическое вмешательство* – *chirurgický zásah*, *реанимация* (экономики) – *oživování* (hospodářství);
- c) Россия как милитаризованное общество: *наступать* (под чьим-л. флагом) – *útočit* (pod něčí vlajkou), *прятаться в окопах* – *schovávat se v zákorech*, *оставлять стратегические высоты* – *vyklízet strategické pozice*, *информационная война* – *informační válka*, *рядовые солдаты* (избирательной кампании) – *řadoví vojáci* (volební kampaně), *массированный огонь* – *hromadná palba*, *отступить* – *ustupovat*, *бомбардировать* – *bombardovat*, *объявить войну* – *vyhlásit válku*, *торжественный марш* – *slavnostní pochod*.

Подобная метафоризация часто сопровождается серьезными по своим последствиям процессами в области семантики слов, в частности, особенно активен процесс десемантизации терминов (процесс **детерминологизации**).

III. V ruské publicistice konce 20. století je patrný také posun ve směru k **řečové expresivitě**, spojený s odstraněním mnohých jazykových tabu. V žurnalistických a publicistických textech sledovaného období se zřetelně vydělují dvě hlavní tendence v příznakovém užití slov: je to na jedné straně příval substandardního lexika, počínaje výrazy pejorativními a hrubými a konče žargonismy a vulgarismy, a na straně druhé ještě lavinovitější užívání slov cizích. Tyto tendence jsou na první pohled protikladné: užívání cizojazyčných slov bylo vždy považováno za znak sečtělosti, vzdělanosti, kdežto nespisovné výrazy charakterizují hovorovou mluvenou řeč a vyjadřování mluvčích s nízkou kulturní a vzdělanostní úrovní. Přesto lexikální jednotky těchto diametrálně rozdílných rovin v publicistických textech transformačního období koexistují nejen v rámci jednoho textu, ale často dokonce uvnitř jedné věty. Míšení stylů se stalo nikoli výjimkou, ale spíše pravidlem. V případě cizojazyčných slov je situace navíc komplikována tím, že přejatá slova, patřící původně k vysokému stylu, se v současné řečové praxi, především pak v žargonu současné mládeže, mění ve svůj stylový protiklad, takže výskyt cizojazyčného slova v ruském textu již není jednoznačným znakem knižního vyjadřování, ale spíše naopak signálem nekultivovaného řečového chování.

Pokud jde o užívání substandardního (nespisovného) lexika, nejedná se, samozřejmě, o jev nový, a to ani v žurnalistickém jazyce; změna se týká zejména jeho kvantitativních parametrů, tj. posunu ve směru k větší vulgarizaci verbálního vyjadřování. Je to způsobeno tím, že v posledním desetiletí vzrostla obecně potřeba expresivních jazykových prostředků, tedy i vulgarismů a slov hrubých. Tento jev bývá hodnocen jako reakce na dlouhá období státního dohledu a cenzury, kdy v procesu všeobecné deetatizace společnosti dochází k oslabení normotvorné funkce státu: přestává fungovat novinová cenzura, liberalizuje se přístup redakčních korektorů.

Zvlášť výrazně se v repertoáru nespisovné slovní zásoby prosazují výrazy s negativními emocionálně-expresivními konotacemi, což je pochopitelné. Transformační procesy v ruské společnosti vedly k větší otevřenosti ve vyjadřování a k faktické svobodě slova. Novináři dostali konečně možnost projevit se jako skuteční novináři a publicisté a zaujmout osobní postoje k nejrůznějším událostem doma i v zahraničí. K vyvolání zvláštních emocionálněhodnotících efektů, jichž chce autor dosáhnout v určitých kontextech, jsou využívány lexikální prvky substandardních vrstev slovní zásoby, čímž se docíluje požadovaného účinku: odsouzení, ironie, nesouhlasu, opovržení apod.

Pro ilustraci výše uvedených tvrzení uvedme několik příkladů zvýšené frekvence užívání slov z oblasti a) hovorové a slangové a b) výrazů hrubých a vulgárních:

- a) *барахолка* (prodejna s použitým zbožím, „sekáč“), *бардак* (nepořádek, „bordel“), *важняк* (důležitá věc), *тусовка* („slezina“, „mejdan“), *прикид* („vohoz“, „hadry“), *прикинутый* („vohozený“, „voháknutý“), *мент* („polda“, „fízl“); *крыть*, *поливать* (nadávat), *надуть*, *облапошить*, *напарить* (podvést někoho), *спереть*, *умыкнуть* (ukrást, „šlohnout“), *керосинить* („nasávat“, „chlastat“), *аховый*, *дерьмовый* („mínusový“, „podělaný“), *крутой* (abnormální, výjimečný), *дурдомный* (bláznivý, „ujetý“), *забугорный* (zahraniční), *разборка*, *разбираться* (vyřizování účtů), *тачка* (auto, „kára“), *пахать*, *крутиться* (pracovat, „makat“), *бабки*, *капуста* („prachy“), *гринь*, *баксы* (dolary, „doláče“), *лимон* (milion, „meloun“);
- b) *блин* (od ‚блядь‘ = kurva), *брехня* („kescy“, „žvásty“), *дерьмо* (hovno), *жлоб* („koryto“), *жрать*, *жратва* („žranice“), *задница*, *засранец*, *мурло*, *рыло* („ksicht“), *наплевать* („vykašlat se“), *оболванивание* („oblbování“), *паскудство* („svinstvo“), *похерить* (schovat, „zašít“, „sbalit“), *пиик* („prd“), *трахать* (souložit), *ублюдок* (člověk s nízkými pudy), *халява* (bezplatně, „zadara“), *хана* („šmytec“, „spadla klec“).